

*Н.В. Николенкова (Москва, Россия),
М.Р. Гейдарова (Баку, Азербайджан)*

Культурно-коннотативная лексика в описаниях Азербайджана начала XIX в.¹

Аннотация: В статье рассматривается сочинение С.М. Броневского, значительная часть которого посвящена описанию территории современного Азербайджана. Введенное в лингвистический оборот впервые, это сочинение представляет особый интерес как фактически первый историко-культурный разбор быта, нравов, обычаев азербайджанцев, в результате чего сочинение насыщено культурно-коннотативной лексикой – тюркизмами, входящими в первой половине XIX в. в русский язык. В статье дан общий обзор этой лексики с уточнением времени появления в русской письменности.

Ключевые слова: история русского языка XIX в., культурно-коннотативная лексика, тюркизмы

*N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia),
M.R. Geydarova (Baku, Azerbaijan)*

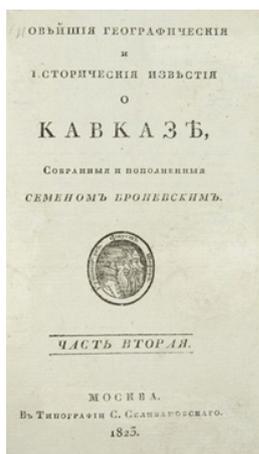
Cultural Connotive Vocabulary in Descriptions of Azerbaijan at the Beginnings of the 19th century

Abstract: In the article the composition of S.M. Bronevsky which considerable part is devoted to the description of the territory of modern Azerbaijan is considered. This composition introduced into linguistic circulation for the first time is of special interest as actually the first historical and cultural analysis of life, customs of Azerbaijanians therefore the composition saturated cultural and connotive vocabulary – the tyurkizms entering in the first half of the 19th century Russian. The overview of this vocabulary with specification of time of emergence in the Russian writing is given.

Key words: history of Russian of the 19th century, cultural connotive vocabulary, tyurkizm

¹ В основе статьи лежат наблюдения, сделанные в магистерской диссертации «Описания Азербайджана в русских источниках XVIII – начала XX вв.» М.Р. Гейдаровой под руководством Н.В. Николенковой; работа защищена в филиале МГУ в г. Баку в 2020 г.

В период вхождения в состав Российской империи стран Кавказа русский язык начинает пополняться лексикой восточного происхождения, тюркизмами. Заимствования тюркского происхождения отмечаются в восточнославянских языках и ранее [Тагиев 1974], однако конец XVIII и начало XIX в. ознаменовались интенсификацией указанного процесса. Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) дает возможность увидеть употребление новых заимствованных слов в сочинениях начала XIX в.; например, у А.С. Грибоедова, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского и т. д.

Мы хотим ввести в лингвистический оборот еще один текст – описание территории Азербайджана, выполненное *Семеном Михайловичем Броневским* в 1823 г. [Броневский 1823]. С.М. Броневский (1763–1830) был военным, потом государственным служащим, который начал свой путь с участия в русско-персидской войне 1796 г. Он участвовал в заключении русско-турецкой конвенции 1800 г., потом перешел на гражданскую службу, был правителем канцелярии при князе П.Д. Цицианове и далее при И.В. Гудовиче, служил директором Азиатского департамента МИД. Князь А.А. Чарторыйский поручил С.М. Броневскому составить справочник об истории дипломатических сношений России со странами Кавказа и Персией, но труд Броневского оказался шире. Современникам был представлен двухтомник, в котором описаны не столько дипломатические связи стран, сколько культурно-исторические, географические и этнографические материалы.

Культурно-коннотативная лексика, т. е. слова, обозначающие предметы, понятия, отсутствующие в практическом опыте носителей другого языка [Уржа 2018: 80], традиционно исследуются при рассмотрении переводов с одного языка на другой. В этом случае интерес вызывает отражение этой культурно-коннотативной лексики: доместикация, аксиологически-идентифицирующие замены и т. д. [Уржа 2018: 81–83]. Однако в нашем случае речь идет не о переводе этой культурно-коннотативной лексики, а, наоборот, о необходимости включения ее в русский язык для пополнения словарного состава; расширение Российской империи требовало ввести новую лексику в русский язык, оформить кириллическую передачу этих слов.

Тенденция вхождения заимствований из восточных языков в русский книжно-письменный язык отмечается еще в XVIII в. Так, в Словаре Академии Российской зафиксирована лексема *шафран*: «произрастение луковичное; луковица величиною въ орѣхъ» [САР, 6: 861–862]. Включение в САР имеет объяснение: лексема зафиксирована в Книге притчей Соломоновых (Прит. VII:17). М.В. Ломоносов употребляет слово в своих переводах, акцентруя внимание не на самом растении, а на его свойствах: «кто хочет вино подцветить, то возьми следующие травы <...>: шафран желтит...» [НКРЯ]. По данным М. Фасмера, лексема фиксируется уже в 1489 г., при этом автор отмечает, что в русский язык она пришла не непосредственно с востока, а через ср.-в.-нем., ср.-ниж.-нем.; в европейские языки заимствовано из арабского [Фасмер, IV: 414].

В нашем источнике *шафран* употребляется в значении ‘приправа’: *люди зажиточные посыпаютъ всѣ кушанья шафраномъ*² [Броневский 1823: 445]. Фиксировалось ли данное значение в источниках до начала XIX в., сказать пока нельзя³.

В САР отмечено и слово *фисташки* [САР, 6: 489–490]; зафиксирована словоформа мн.ч., дано описание энциклопедического типа, иллюстрации отсутствуют. Данное слово заимствовано из турецкого [Фасмер, IV: 197], НКРЯ в качестве самого раннего примера его употребления дает цитату из «Путевых записок» А.С. Грибоедова 1819 г.: «Много колесил округ Касбина, срывал молодые фисташки» [НКРЯ]. Судя по употреблению у Броневского, можно предположить, что значение слова вполне уже известно носителям русского языка, так как вводится в текст без дополнительных толкований: *Въ замѣнь того привозятъ въ Баку изъ Астрахани: сукна, <...>; изъ Гиляна чрезъ Занзилинской портъ: <...> лимоны, изюмъ кишмишъ, персики (шепталу), фисташки, миндаль* [Броневский 1823: 402–403].

В приведенной выше цитате обращает на себя внимание не включенные в САР слова «кишмиш» и «миндаль». Первое в НКРЯ отмечается только в текстах середины XIX в. (например, в «Обрыве» И.А. Гончарова: «это – кишмиш, мелкий, сладкий такой» (1869) [НКРЯ]); пример С.М. Броневского на 40 лет раньше. «Миндаль» отмечается раньше – в текстах конца XVIII в. (перевод М.И. Веревкина «Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга» 1782 г.). Однако С.М. Броневский предлагает не только существительное, но и прилагательное от лексемы: *употребляютъ миндальное пирожное* [Броневский 1823: 445].

Нельзя не отметить лексему *шепталá*; она не вошла в литературный русский язык, оставшись экзотизмом⁴. Несколько примеров употребления представлено в русской литературе XIX в., к примеру, у М.Е. Салтыкова-Щедрина: «принц... вскочил со своего места... и поднес Надежде Лаврентьевне шепталу»; «восточный человек чавкал шепталу и щелкал миндальные орехи» (1875–1876).

В тематической группе «кушанья» можно обнаружить и другие лексемы, входящие в русский язык в начале XIX в. Так, начинает употребляется *шербет* (слово тюркского происхождения [Фасмер, IV: 429]): в «Цареградских письмах» П.А. Левашова (1789) читаем: «После сего в знак чести надевают на него катан, подносят конфеты, кофе, шербет и окуривают благовонием» [НКРЯ]; в «Дневных записках о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах» А.Е. Соколов отмечает, что «принесены были для завтрака разные сласти и шербет» [там же]. С.М. Броневский также использует лексему, давая небольшое пояснение: *отъ жажды пьют шербаты, то есть сокъ изъ разныхъ плодовъ выдавленный и подслащенный медомъ* [Броневский 1823: 445].

Вероятно, первым употреблением в русском языке надо считать лексему *чурек*: *хлѣбъ ихъ, называемый чуреки, есть не что иное, какъ прѣсныя лепешки, дѣлаемая изъ проса и пшеницы* [Броневский 1823: 445]. Другие ранние употребления НКРЯ отмечает в 1831 г. в сочинениях А.А. Бестужева-Марлинского «Письма из

² В издании Броневского, как и во многих печатных изданиях начала XIX в. из типографии Селивановского, отмечается специфическое употребление графемы Ъ вместо «ъ» на конце слова. Мы сохраняем эту особенность в передаче примеров.

³ Слово отсутствует в словаре И.И. Срезневского, словари XI–XVII и XVIII вв. не дошли пока до томов на букву «ш».

⁴ Шепталá – «сушеные персики и абрикосы из Азии», то же *шаптала*. Из турецкого [Фасмер, IV: 428]. Варианты с «ше-/ша» в передаче тюркизмов частотны; у Броневского, например, название Şatahi встречается как *Шамахи* и *Шемахи*.

Дагестана» и «Аммалат-бек»: «... вот что рассказывал он, подкрепив себя чашкою молока и куском чурека» [НКРЯ]. К турецкому, азербайджанскому и крымско-татарскому происхождению лексемы склоняется и [Фасмер, IV: 386].

С объяснением дает Броневский и слово *пилав*: *гьдатЪ молоко, масло, сырЪ, разные свѣжїе и сушеные плоды, пилавЪ или разсыпную кашу изЪ сарачинскаго пшена* [Броневский 1823: 445]. Вошедший в итоге в русский язык вариант «плов» сам Броневский не использует, зато некоторые его современники знают обе формы: «Любимое их блюдо есть Пилав, или Плов, то есть баранина, или какаянибудь домашняя птица, разваренная со пшеном» («Отрывки, содержащие некоторые любопытные подробности о Турции и Египте», напечатанные неизвестным в «Вестнике Европы за 1804 г. [НКРЯ]), но по полученным данным можно говорить о большей распространенности в XIX в. именно формы «пилав», которая встречается и у И.А. Гончарова («У нас из мясных блюд приготовлен был для них нарочно пилав из баранины» – 1855), и у А.И. Герцена («а то тут еще турок придет – ему пилав надобно» – 1853–1860), и в повести «Кзаки» Л.Н. Толстого («Нынче пилав сделаем... Жирный пилав будет» – 1863) [НКРЯ]. Форма *пилав* как исходная (из турецкого) отмечена у [Фасмер, III: 261].

Еще одна лексема, употребляемая Броневским при перечислении специфических азербайджанских блюд, *ариан*: *отЪ жажды пьютЪ... наиболѣе арианЪ, родЪ кислаго молока или сыворотки, которая весьма прохладительна* [Броневский 1823: 445]. Эта графическая фиксация не сохранилась в русском языке, более частотной стала форма «айран» как более соответствующая тур. *airan* [Фасмер, I: 65], хотя словарем отмечается и «арьян» [Фасмер, I: 92]. В письменности XIX в. в основном встречается именно первая из указанных словарем форм: «Нам принесли, вместо фруктов, айран, сыр, масло» («Путевой журнал» Е.И. Чирикова, 1849–1852) [НКРЯ]. Можно считать, что нами отмечена еще одна первая фиксация лексемы в русском языке.

Как можно видеть, именно названия кушаний наиболее активно осваиваются русским языком в начале XIX в., когда кавказские земли входят в состав Российской империи и активизируются отношения с Турцией и Персией. Указание на необычность восточных блюд подчеркивается заимствованным словом, в переводческой практике такой прием сохранения инокультурных реалий называют форенизацией [Уржа 2018: 82].

Еще одна зона, где используется иноязычное слово, записанное кириллицей, – это названия денежных единиц. Подробное описание монет, используемых в ханствах, составляющих территорию Азербайджана, включает такие единицы: *аб(бб)аз, томан, сисиденер, шахи, сиденер, денар, бисти, казбек* [Броневский 1823: 461–464].

Нельзя говорить об их вхождении в русский язык, все они, безусловно, оказываются экзотизмами: *Томанъ. Древняя Персидская монета, содержащая вЪ себѣ 10 гацарденаровЪ* [Броневский 1823: 462] («томан или туман» был официальной денежной единицей Персии с XVII до начала XX в.; лексема может встречаться в описаниях Персии, например, ее использует П.И. Огородников в «Описании Персии» 1874 г. [НКРЯ]; следов «гацарденаров» в русской книжности не отмечено).

Более частотно в русской письменности употребление слова *абаз*, которое у Броневского колеблется в написании: *на ХанскихЪ монетныхЪ дворахЪ били только монету, называемую АбазЪ* [Броневский 1823: 461]; *за серебряный рубль 83 пробы дадутЪ отЪ 6 до 8 АббазЪ; между здѣшними Аббазами попадаются также Персидскїи и Грузинскїе Аббазы* [там же: 463]. Примеры употребления

можно встретить в письменности начала XIX в. В письме А.С. Грибоедова 1828 г. читаем: «рублями серебром считают там, где платили прежде абазами», множество примеров зафиксировано в текстах А.А. Бестужева-Марлинского; наконец, в «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкина (1835): «Первый встречный вызвался провести меня к городничему, и потребовал за то с меня абаз»; «комната была мне отведена, стакан вина принесен и абаз выдан моему проводнику» [НКРЯ]. Вариант написания *абасы* зафиксирован в САР: «персидскія серебряныя деньги» [САР, I: 3], иллюстрации нет.

В разделах, посвященных монетам, используемым на территории Азербайджана, мы отмечаем и примеры доместикации: *голландскій червонецъ, золотые Персидскіе червонцы, Ханскій рубль*; такая замена связана с необходимостью соотнести денежные эквиваленты российские и новых территорий: *Шахи, Персидская монета, цѣною между 5 и 6 копѣекъ. Сиденерьъ содержитъ 30 денаровъ или 3 копѣйки. Бисти, 20 денаровъ или 2 копейки. Казбекъ, 5 денаровъ или половину копѣйки* [Броневский 1823: 463–464].

Заметим, что в следующей части раздела, где речь идет о мерах, употребляемых в Ширване и других ханствах, мы встречаемся с «одомашниваем» персидских мер. Броневский пишет, что употребляется *Шахской аршинъ* и *Маказарской аршинъ*; *32 дюйма 1 Шахской аршинъ*; *12,000 аршинъ дѣлають 1 фарсангъ* [там же: 464]. Фарсангом называется персидская мера длины, лексема употребляется в уже упомянутых выше «Описании Персии» П.И. Огородникова и «Путевом журнале» Е.И. Чирикова [НКРЯ].

Интерес Броневского к словоупотреблениям именно местным позволяет автору дать и такое уточнение: *вмѣсто фарсанга, здѣшніе жители употребляютъ болѣе названіе Агачъ, который равенъ фарсангу и содержитъ въ себѣ часъ пѣзды, или, по примѣрному счисленію, немного болѣе 7 верстъ* [Броневский 1823: 464]. Подобный интерес к местной лексике характерен в то же самое время и для некоторых других авторов. Так, К.Ф. Аделунг в письме отцу (лингвисту и востоковеду Ф.П. Аделунгу) 1828 г. пишет: «По дороге, в расстоянии пол-агача от города (агач, или фарсанг, – 7 русских верст), увидели мы старую башню» [НКРЯ].

Интерес к реалиям жизни народов Востока, вошедших в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX в., характерен для многих авторов. И в собственных письмах, и в документальной прозе, и в художественных произведениях актуализируется фактически одна и та же культурно-коннотативная лексика. Отмечается она и в тексте Броневского.

В САР не включена лексема «аул», хотя ее употребление начинается именно в XVIII в. в значении ‘татарское, башкирское или кавказское поселение’ [Сл XVIII]. НКРЯ также демонстрирует активное употребление слова у А.Н. Радищева, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина и т. д. Употребляется лексема и у Броневского: *кочующіе Татары Ханъ-Чобаны, издревле переселенные въ Шемахинское владѣніе, кочуютъ по долинамъ въ числѣ 700 Ауловъ* [Броневский 1823: 434]. Здесь мы отмечаем значение ‘население одного поселения’, также зафиксированное в [Сл XVIII].

В XVIII в. начинает употребляться лексема «гарем» в значении ‘женская половина дома у мусульман’ [там же] (или ‘жительницы этой половины дома’). Однако в САР составители ее не включают, считая, вероятно, экзотизмом. Но НКРЯ дает возможность зафиксировать широкое употребление у А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Г.Р. Державина и др. В поэме «Бахчисарайский фонтан» А.С. Пушкина «гарем» вводится без комментариев – читатели знают значение слова («Дворец утих; уснул

гарем, объятый негой безмятежной», поэма написана в 1821–1823 гг.). Не комментирует слово и С.М. Броневский: *для Гаремовъ богатыхъ и знатныхъ людей покупаютъ обыкновенно Грузинокъ, Черкешенокъ и Армянокъ* [Броневский 1823: 444].

В САР включена лексема «мечеть»: «Капище, въ кое Магометане собираются на молитву» [САР, IV: 104]. Иллюстрация в САР дана самими составителями словаря: «Турки множество Христианскихъ церквей въ Азїи преобратили въ мечети». Обращение к [Сл XVIII] показывает, что в разных написаниях (первое в 1722 г. как «мезчид») лексема постепенно входила в русский литературный язык, при этом происходил выбор мужского или женского рода [там же]. НКРЯ демонстрирует употребление лексемы преимущественное в форме женского рода; например, у В.Н. Татищева: «Синяя Мечеть»; «мечеть великая... стояла» [НКРЯ].

К началу XIX в. окончательно складывается это словоупотребление (в текстах Н.М. Карамзина, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина и многих других). Эту тенденцию мы отмечаем и в описании Броневского: *наипаче Бакинская мечеть, построенная Шахомъ Аббасомъ Великим* [Броневский 1823: 448].

Еще одним включенным в САР словом, для которого не дается иллюстрация, оказывается «кальян» («употребляемое въ Азіатскихъ нашихъ областяхъ, и означающее родъ курительнаго прибора, употребляемаго для куренія табаку чрезъ воду» [САР, III: 404]). Словарь XVIII в. и НКРЯ демонстрируют вхождение слова в русский язык еще в XVIII в. (первое употребление зафиксировано в 1716–1718 гг., в «Переписке и делах во время посольства Артемия Волынского»: «потом принесли кальян и поставили перед посланника» [НКРЯ]). Активное употребление мы наблюдаем в начале XIX в., к примеру, в путевых письмах А.С. Грибоедова: «вмиг запылали каминны... расставили жаровни, подали кальяны»; «подали кальян, чай с кардамоном» [НКРЯ].

Броневский уточняет значение слова, вводя местную лексему: *всѣ почти курятъ табакъ, богатые изъ Персидскихъ кальяновъ или наргилей, пропускающихъ сквозь воду прохладенный дымъ* [Броневский 1823: 445–446]. *Nargilə* – слово арабского происхождения, распространено как раз в Азербайджане как полный синоним «кальян». Как экзотизм слово встречается в русских источниках более позднего периода; к примеру, К.Н. Леонтьев в своих воспоминаниях 1883 г. пишет: «старик суруджи курил наргиле у очага»; «я, сидя с наргиле под навесом хана, смотрел на борьбу» [НКРЯ].

Таким образом, сочинение С.М. Броневского представляет собой отражение активных тенденций в русском литературном языке начала XIX в., демонстрируя общую стратегию писателей на включение в описания восточных (и кавказских в том числе) территорий новую лексику тюркского происхождения, при этом стремясь передать ее как можно ближе к местному произношению.

Стремление к максимально точной передаче именно фонетического облика восточного слова на раннем этапе вхождения в русский язык иллюстрирует лексема «Алкоран / Коран». В конце XVII – первой половине XVIII в. появляется вариант Алкоран, уже ближе к концу века и в начале XIX отмечается вариативность обеих лексем. К примеру, обе формы встречаем у И.А. Крылова: «ибо в Алкоране нашем именно сказано, что нас никто не победит до последнего века» (1789), «Голова твоя так же непостижима, как священный наш Коран» (1792) [НКРЯ]. Форму *Алкоран* (с вариантом *Аль-Коран*) использует Н.М. Карамзин, только ее отмечаем у А.С. Грибоедова, тогда как у А.С. Пушкина уже чувствуется стремление к замене *Алкоран* на *Коран*. Так, в «Бахчисарайском фонтане» (1821–1823) читаем: «...хоть я

для Алкорана, между невольницами хана, забыла веру прежних дней», а в 1824 г. в «Подражаниях Корану» – «мужайся ж, презирай обман, стезею правды бодро следуй, люби сирот, и мой Коран дрожащей твари проповедуй». Постепенно важным становится корневое понятие, а вспомогательный элемент уходит.

Броневскому важно передать звучание встречаемых им слов восточного происхождения. Так, при передаче имен собственных – топонимов и антропонимов – он всегда придерживается принципа транскрипции. Именно поэтому в его сочинении мы встречаем первоначальный вариант заимствования: *Чтеніе Алкорана и толкованіе онаго вмѣняется, сколько въ обязанность ревностнаго Музульманина, столько же и въ похвалу его учености; отъ болѣзни и отъ глазу носятъ на шею стихи, выписанные изъ Алкорана* [Броневский 1823: 459–460].

Лексикографическая деятельность середины XIX в. включала в себя и составление словарей иностранных слов – заимствований разного времени. В 1865 г. выходит в свет один из таких словарей, объясняющий 25000 слов, вошедших в русский язык [Михельсон 1865]. В нем можно найти практически все лексемы, употребленные в сочинении С.М. Броневского (нет «фисташки», «кишмиш», «чурек»); даны обе формы «Акоранъ, или Коранъ» [Михельсон 1865: 34]. Ряд толкований в этом словаре вполне соотносимы с современными. К примеру, при толковании «гаремъ» указано арабское происхождение лексемы [там же: 129]; турецкая основа выявлена для слова «кальянь» [там же: 256]. Подробная практически энциклопедическая толковая статья сопровождает слово «мечеть», отмечено арабское происхождение слова [там же: 394]. Персидское происхождение указано для слова «пилавъ» [там же: 489], арабское – для «шербетъ», «шептала» имеет пресидскую основу [там же: 686]. Необходимо отметить лексему «шафранъ», чье происхождение в середине XIX в. описано практически так же, как в словаре М. Фасмера, т. е. указано немецкое, французское, испанское и итальянское опорное слово, возводимое в результате к арабскому источнику [там же: 685], при этом в словаре Михельсона есть значение ‘приправа’ («употребляются еще какъ приправа къ кушаньямъ. На Востокѣ, особенно въ Персіи, едва ли существуетъ хотя одно кушанье, въ которомъ не было шафрану») [там же]).

Введение в лингвистический оборот сочинения С.М. Броневского, безусловно, дает возможность дополнить наши представления о характере заимствования слов восточного происхождения в начале XIX в. Лингвистическая информация, содержащаяся во вновь вводимых сочинениях, невероятно важна, и необходимо продолжить поиск не исследованных еще текстов разного времени, которые будут давать новый материал для уточнения истории русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

НКРЯ (Национальный корпус русского языка). Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>

Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ, собранныя и пополненныя Семеномъ Броневскимъ. Часть вторая. М., 1823.

Объясненіе 25000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, съ означеніемъ ихъ корней. Составилъ по словарямъ: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и другихъ Михельсонъ. М., 1865.

Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

Словарь XVIII века. Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/sl18/>.

Тагиев М.Т. Наблюдения над употреблением слов тюркского происхождения в русских памятниках XVI–XVII вв. // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 148–160.

Уржа А.В. Прагматические функции замены реалий в современных переводах // Гуманитарный вектор. 2018. Вып. XIII, № 1. С. 80–87.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1987.

REFERENCES

Dictionary of the Russian Academy. Parts I–VI. St. Petersburg. 1789–1794.

Dictionary of the 18th century. Electronic resource: <http://feb-web.ru/feb/sl18/>

Explanation of 25,000 foreign words included in the use of the Russian language, meaning their roots. Compiled according to the dictionaries: Geise, Beshereh, Brockhaus, Alexander, Rafe and others Michelson. Moscow. 1865.

Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. 2nd ed. Moscow. 1987.

NKRYA (National Corps of the Russian Language). Electronic resource: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>

Tagiev M.T. Observations on the Use of Words of Turkic Origin in Russian Monuments of the 16th–17th centuries. In: Turkisms in East Slavic Languages. Moscow, 1974, pp. 148–160.

The latest geographical and historical news about the Caucasus, collected and supplemented by Semen Bronevsky. Part two. Moscow. 1823.

Urzha A.V. Pragmatic Functions of Replacing Realities in Modern Translations. *Humanitarian Vector*. 2018. Issue XIII. No 1, pp. 80–87.

Сведения об авторах:

Наталья Владимировна Николенкова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natanik2004@mail.ru

Марзия Рамиз гызы Гейдарова,
выпускница магистратуры
филологический факультет
филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку

Marzia Ramiz gizi Heydarova
Graduate of the Magistracy
Philological Faculty
The Branch of Lomonosov Moscow State
University
m.heyd@mail.ru